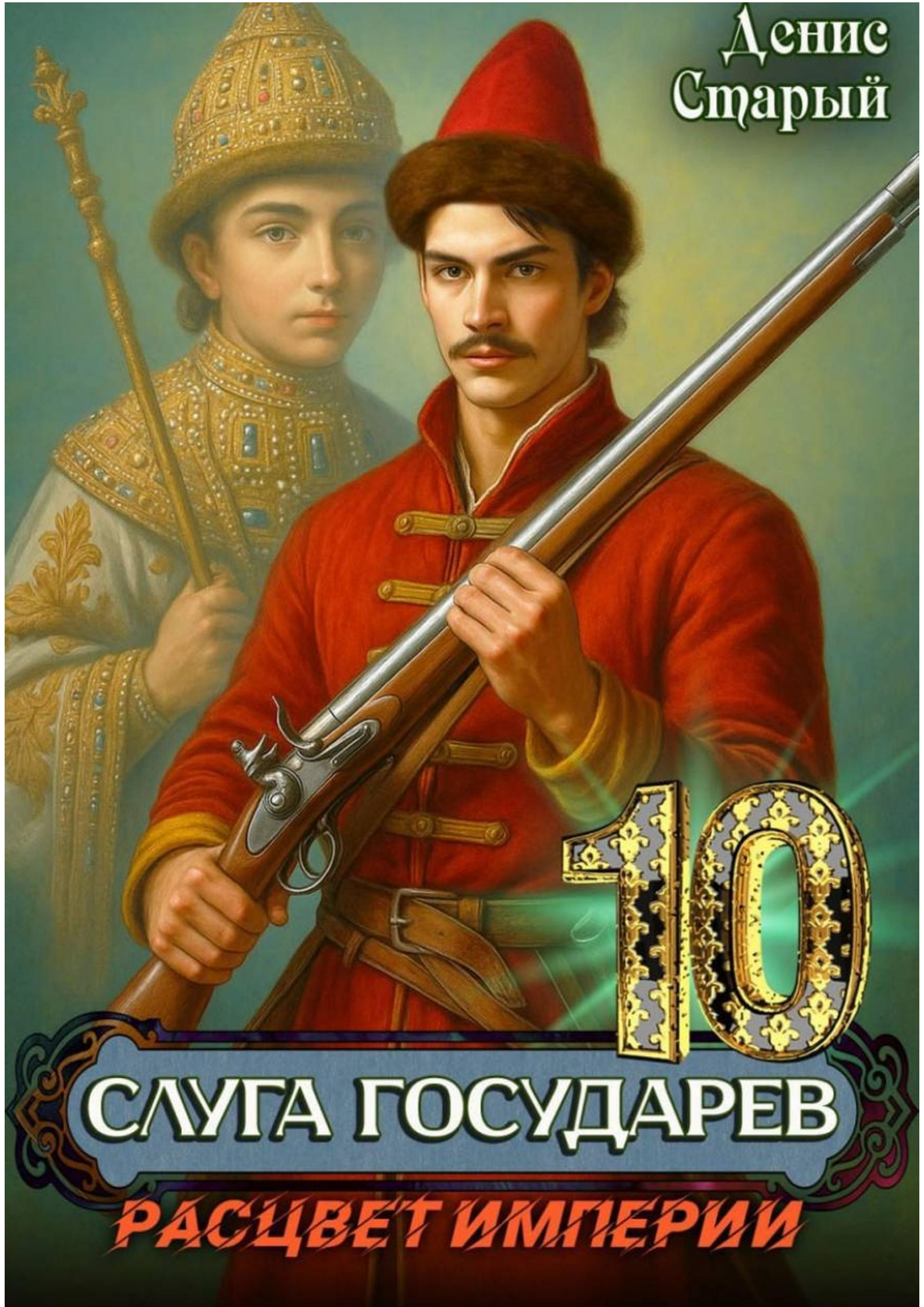

Денис
Старый

10

СЛУГА ГОСУДАРЯ

РАСЦВЕТ ИМПЕРИИ

Денис Старый

**Слуга государев 10.
Расцвет империи**

«Автор»

2026

Старый Д.

Слуга государев 10. Расцвет империи / Д. Старый — «Автор»,
2026

Еще идут войны, еще льется кровь русская, но больше наших врагов, но уже виден рассвет. Военная реформа заканчивается, армия уже далеко не та, что была еще пятью годами ранее. Теперь грозная сила, предвосхитившая время, способная сделать такой задел для России, чтобы в будущем иметь меньше головной боли. Поля наши колосятся, и не только. Картошка, кукуруза... Нет такой страны, где бы столь много и системно использовали все возможности новых культур. Империя строится, империя развивается... Расцвет империи.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Денис Старый

Слуга государев 10. Расцвет империи

Название: Слуга государев 10. Расцвет империи

Автор(-ы): Денис Старый

Глава 1

Москва

17 мая 1685 года

В те долгие годы, когда Мария Казимира была законной супругой короля Речи Посполитой Яна Собеского, она вынужденно вела образ жизни, который целиком и полностью зависел от воли ее мужа. По сути, ее блестящий, на первый взгляд, королевский удел мало чем отличался от глухого, беспросветного затворничества, в котором до сих пор коротали свой век русские женщины в тесных, скрытых от чужих глаз боярских теремах.

С той лишь разницей, что Марии Казимире позволялось выходить в свет. Она блистала на пышных дипломатических приемах, носила тяжелые, расшитые золотом платья, но при этом обязана была улыбаться и говорить исключительно выверенными, подобострастными фразами подчиненной женщины. Вся ее публичная жизнь, каждый жест и каждый взмах веера имели под собой лишь одну-единственную, непререкаемую цель — прославление и всяческое возвышение собственного венценосного мужа. Шаг в сторону считался недопустимым.

Но сейчас всё изменилось. Находясь в России, она впервые полной грудью вдохнула пьянящий воздух независимости. Она почувствовала свободу. Каждая клеточка ее тела отзывалась на это новое, давно забытое чувство легкости — она могла сама распоряжаться своим временем, своими мыслями и своими решениями.

Конечно, Мария Казимира, как женщина амбициозная и хитрая, прекрасно понимала: там, в родной Варшаве, располагая такой же свободой действий, она смогла бы развернуться куда масштабнее. Сцена была бы привычнее, а инструменты влияния — острее. Однако реальность диктовала свои суровые условия. Уже по всей Европе, достигая даже заснеженной Москвы, гуляли мрачные, тревожные слухи о том, что в Варшаве нынче стало катастрофически небезопасно.

Столица Речи Посполитой задыхалась от преступности. В крупных городах появилось невиданное количество наглого вора и откровенных ночных головорезов. Узкие, мощеные булыжником улочки Варшавы, едва на них опускались сумерки, превращались в смертельно опасные ловушки. Так что, доведись ей сейчас жить там, ни о каких свободных вечерних променадах не могло быть и речи.

Любой выход из дома требовал бы сопровождения огромной, вооруженной до зубов личной охраны, за которую приходилось бы платить баснословные деньги. И даже тогда это была бы не свобода, а унижительная паранойя — вздрагивать от каждого шороха, сжиматься при виде любой подозрительной тени, скользящей вдоль сырых кирпичных стен.

Всё дело крылось в разрушительных последствиях гражданской войны. И хотя формально масштабная резня вроде бы закончилась относительно быстро, ее уродливое эхо до сих пор отравляло страну вялотекущим, непрекращающимся кровопролитием.

Польско-литовское государство слабо, зато частные армии росли как на дрожжах. Влиятельные магнаты, чувствуя безнаказанность, собирали вокруг себя целые полки. В эти частные войска стекались все: и откровенно потерявшие себя в этой жизни люди, и лихие наемники, и, что самое страшное — некогда мирные землепашцы.

Обедневшие, доведенные до абсолютного отчаяния крестьяне массово бросали свои дома. Случалось, что мужики целыми деревнями уходили со своих земель, чтобы наняться на службу к какому-нибудь очередному богатому пану. Они брались за сабли и мушкеты лишь с одной целью — чтобы хоть что-то заработать и не дать умереть с голоду своим семьям.

Виной тому были новые экономические порядки. Алчные, жестокие арендаторы, которым магнаты за звонкую монету отдавали земли на откуп, действовали безжалостно. Они,

словно ненасытные клещи, высасывали из крестьян и самой плодородной земли всё, что только было можно. Выгребали последние амбары, забирали последнюю скотину, оставляя после себя лишь выжженную нищету, пустые избы и медленно умирающие от голода семьи. Страна, растерзанная изнутри собственной жадностью, погружалась во мрак.

Как это всегда и бывает после окончания большой войны, остаются тысячи людей, не способных найти себя в скучной мирной жизни. Вчерашние рубаки превращаются в стервятников. Именно этот кровавый бандитизм, эти свирепые ватаги разбойников сейчас безнаказанно промышляли не только в польских городах, но и густыми стаями разбрелись по всем лесам и главным торговым трактам Речи Посполитой.

Будь государство сильным, оно бы выжгло эту заразу каленым железом. Не сразу, конечно, но за полгода регулярная кавалерия загнала бы душегубов в болота, а вдоль дорог выросли бы частоколы виселиц, чтобы другим неповадно было. И вся эта бандитская вакханалия быстро вернулась бы в приемлемые, контролируемые рамки. Но Польша была слаба.

Так что Мария Казимира, в очередной раз найдя железобетонные аргументы и убедив себя в собственной правоте, с легким сердцем планировала свою неделю. В ее графике обязательно должен был присутствовать хотя бы один, но исключительно яркий, блестящий выход в свет.

Она неумолимо стремилась стать первой настоящей светской львицей — той, чей образ уже витал в воздухе обновляющейся России, но еще не обрел плоти. А кто, как не бывшая польская королева, подходил на эту роль лучше всего? Да и, откровенно говоря, ей до одури нравилось ловить на себе восхищенные взгляды и принимать почести. Нравилось, когда перед ней, как когда-то в Варшаве, гнули спины в почтительных поклонах, а в любом богатом Гостинном дворе хозяева почитали за великую честь бесплатно накрыть для нее роскошный стол. Денег у вдовы Яна Собеского хватало с избытком, но ведь как приятно, когда мир сам падает к твоим ногам!

«А не завести ли мне хорошего любовника?» — лукаво подумала Мария Казимира, глядя в окно на проплывающие мимо московские улицы.

Почему-то в голове мгновенно всплыл образ Артамона Сергеевича Матвеева. Женщина тут же, словно от удара электрическим током, брезгливо передернула плечами и прогнала прочь эти дурацкие мысли. Молодого нужно брать, молодого и горячего! А не старика Матвеева. Пусть он в последнее время и не выглядит древней развалиной, изрядно схуднул, сбрил бороду, так и не таким уж стариком кажется. Как еще шепчутся придворные, даже по утрам начал бодро махать тренировочной сабелькой, но всё же...

— Да нет же, нельзя, глупости какие! И думать не смей! — вслух, властно приказала сама себе Мария Казимира.

Сидящая напротив Тереза Кунегунда, сопровождавшая мать на этот выезд, с любопытством склонила голову:

— Матушка, о чем же столь бурно вы спорите сама с собой?

— Ты еще мала. Вырастешь — расскажу, — привычно отмахнулась бывшая польская королева.

— А вот мне кажется, мама, что кое-что вы вполне могли бы мне объяснить уже сейчас, — не унималась дочь. — Например, как мне смотреть на Петра Алексеевича? Что говорить ему при встрече? Я же правильно понимаю, что именно юный царь нынче занимает все ваши мысли?... Император...

— Чертова русская карета! — в сердцах, но с затаенным восторгом воскликнула Мария Казимира. — Тут внутри так тихо, что можно услышать не только шепот, но и собственные мысли!

Пусть ее слова и прозвучали грубовато, но в душе женщина искренне восхищалась тем шедевром каретного ремесла, что преподнес ей в дар генерал-лейтенант Стрельчин. На дан-

ный момент это был лучший выезд во всей Москве, не считая разве что царских экипажей. Мало того, даже в чванливой Варшаве подобного чуда на мягких рессорах было не сыскать. А запряженные в нее кони были столь породисты, мощны и дороги, что их вид нисколько не оскорблял высокий статус королевы, пусть и бывшей.

Мягко покачиваясь, карета прибыла к месту назначения. У Спасских ворот вытянулся по струнке караул: рослые парни в новеньких синих камзолах Семеновского полка. Они тщательно и строго проверили пригласительные бумаги. Затем, следуя новой, удивительной и какой-то щегольской русской традиции, офицер отдал честь — четко, как гласил новомодный устав, приложив два пальца к виску, аккуратно под срез треуголки.

Карета медленно проследовала в глубь Кремля, к той части старых боярских хором, которые сейчас бурно, с европейским размахом перестраивались, так что их уже смело можно было называть Дворцом. Именно здесь располагалась новая художественная мастерская.

У входа стоял еще один пост охраны. Дюжий гвардейский поручик, заведя выходящих из экипажа дам, по старой привычке попытался было пригласить несуществующую бороду, но вовремя вспомнил про свои усы и принялся браво накручивать их на палец.

Мария Казимира деланно засмушалась. Разумеется, она искусно играла. Но женское тщеславие было удовлетворено настолько, что от этого откровенного мужского внимания она будто помолодела лет на двадцать. С величественной грацией она протянула офицеру руку, ожидая галантного поцелуя.

Но тут вышла заминка. Молодой поручик явно растерялся от таких заморских политесов. Вместо того чтобы припасть губами к униженным перстнями пальцам, он схватил узкую ладонь женщины и по простому военному обыкновению пожал ее, как крепкую мужскую руку. Да так искренне, что у королевы едва кости не хрустнули.

Стиснув зубы, чтобы не поморщиться, Мария Казимира снисходительно хмыкнула. Она аккуратно высвободила онемевшую кисть, взяла Терезу Кунегунду за руку и с поистине королевским достоинством шагнула в высокие двери. Ей не терпелось своими глазами увидеть, что же там пишут эти русские: есть ли в этой мастерской место настоящему профессионализму живописцев, или же на холстах красуется лишь варварская мазня.

Каково же было удивление Марии Казимиры, когда, подойдя к резным дверям мастерской, она вдруг услышала изнутри изящную, быструю французскую речь. А следом кто-то громко и возмущенно затараторил по-голландски.

— А ну, немчура, не горлопань! — рокочущий, по-медвежьи грозный рык на русском языке резко оборвал зарождающийся спор живописцев. — Его Величество громкого шума не выносит!

Двери отворились, и навстречу Марии Казимире и ее дочери вышел он... Русский царь. Тот самый, второй. Иван Алексеевич. Формально он считался полноправным правителем наравне с младшим братом, но ни в каких государственных делах участия не принимал, оставаясь как бы «запасным». Европа наполнилась обильными слухами о его скорбном недуге и телесной немощи.

Или нет? Получается, что один царь короновался заново, уже императорской короной. Иван же был тем, кто первый поздравил с этим своего брата. Но все равно же перед бывшей польской королевой... получается, что бывший русский царь.

И сейчас бывшая польская королева воочию убедилась: слухи не ввали. Лицо Ивана, обрамленное жидковатой бородой, было бледным и осунувшимся. Глаза у него были того же разреза и цвета, что и у юного Петра, но если у младшего брата во взгляде постоянно полыхала шальная, необузданная искра, то у Ивана взор был пугающе тихим, глубоким и осмысленным, но при этом направленным внутрь себя.

Физически же царь выглядел настолько тщедушным, что казалось, будто лишь тяжелые парчовые одежды сдерживают эту хрупкую конструкцию из костей и бледной кожи, не давая ей рассыпаться прахом прямо здесь, на каменном полу.

— Я рад, — тихо, монотонно произнес Иван Алексеевич, глядя не в лицо Марии Казимиры, а куда-то сквозь нее, словно читая узоры на невидимой стене.

За свою жизнь она встречала подобных людей. В народе их часто называли «божьими людьми» или блаженными, а злые языки над ними глумились. Неизменно считалось, что такой человек ни на что толковое не способен, разве что скоморошничать на потеху толпе, бормотать пророчества да веселить зевак своим недугом.

Но Иван Алексеевич, обладатель слабого здоровья и того особенного, закрытого от всего мира разума, медленно поднял руку с длинными тонкими пальцами и указал в сторону светлой галереи. Там, вдоль стен, вывешивались наиболее яркие картины. Те, что писал он сам, и те, что принадлежали кисти его лучших учеников, жадно впитывающих новую науку живописи.

И здесь не было ни капли придворной лести: картины царя Ивана разительно отличались от ученических. Они были неизмеримо глубже, то вспыхивая неземной яркостью, то погружаясь во мрачную, тусклую тоску — в зависимости от того, какую именно эмоцию хотел выплеснуть на холст их творец.

Когда Мария Казимира перевела взгляд на полотна, она попросту опешила. Уж она-то знала толк в хорошей живописи — в ее личных коллекциях имелись подлинники великих голландских мастеров. Но то, что она видела сейчас, было не варварской мазней, не плоскими старорусскими парсунами, а настоящим гениальным искусством.

— Нам нужно делать выставку! — воскликнула Мария Казимира, мгновенно найдя для себя новую, блестящую цель, способную возвысить ее статус в этом диковатом государстве.

Иван Алексеевич лишь равнодушно повел узкими плечами. Ему совершенно не была нужна публичная признательность или мирская слава. Свое единственное, абсолютное блаженство — ту искру чистой эмоции, что была доступна ему сквозь пелену его недуга — он испытывал исключительно в процессе работы, когда краски ложились на холст.

В галерее было много картин на религиозные темы: лики святых смотрели с полотен пронзительно и живо. Но так как Иван Алексеевич недавно был обручен с Прасковьей Федоровной Салтыковой, самые свежие его работы были посвящены лику невесты.

Причем видел и писал он ее совсем не такой, кем эта девица являлась на самом деле. В реальности Прасковья была женщиной крутого, властного нрава, способной подмять под свою тяжелую руку почти любого мужчину. Но кисть царя-аутиста отобразила иное: с холстов на зрителя смотрела нежная, всепрощающая забота — абсолютная квинтэссенция чистой любви, какой только мог ее понять и почувствовать оторванный от мирских страстей Иван Алексеевич.

— Так вы не против, если я займусь этим вопросом? — с профессиональным светским нажимом настаивала Мария Казимира.

Иван снова промолчал, едва заметно пожав плечами, но тут дюжий усатый мужик, стоявший у него за спиной, гулким басом произнес: — Уж будьте добры, Ваше Величество, озаботьтесь этим! А то вон, словно бабы в запертом тереме сидим. Парсун намалевали почитай под полсотни, а никто той красоты и не видит, кроме нас самих да мышей!

А Тереза Кунегунда в это время медленно шла вдоль освещенной галереи, буквально приоткрыв рот от изумления. Еще там, в Польше, один из ее именитых учителей часто повторял, что истинное художественное искусство — есть великое благо от Господа, понять и почувствовать которое суждено далеко не всем.

Тереза никогда не считала себя «как все». Она с детства была свято уверена в собственной исключительности, правда, до сего дня ей часто приходилось лишь театрально играть эту возвышенность, жеманно заламывая руки перед посредственными картинами. Но не сейчас.

Сейчас ее искреннему, глубинному потрясению не было границ. Стоя перед полотнами больного русского царя, юная принцесса испытывала то потрясающее очищение души, которое в будущем назовут катарсисом.

Балтийское море.

21 мая 1685 года.

Свинцовые волны Балтики с глухим рокотом разбивались о форштевень флагманского корабля. Корнелиус Крюйс стоял на капитанском мостике, широко расставив ноги в тяжелых ботфортах, и сквозь линзы подзорной трубы немигающим взглядом смотрел на приближающийся горизонт.

А там, за пеленой соленых брызг, выросал настоящий лес мачт. Шведская эскадра.

Вокруг Крюйса кипела палуба. Воздух был густым от напряжения, его можно было резать ножом. Тягучий, липкий холодок страха змеей заползал в души матросов всех пяти фрегатов и двух шлюпов — всей той крошечной, почти самоубийственной флотилии, которую новоиспеченный русский адмирал вывел на перехват.

Шведов было не просто больше. Их армада подавляла числом. Более сорока вымпелов. Пузатые торговые суда, медлительные, но опасные транспорты, идущие курсом на Нарву, и тяжелые галеры, чьи трюмы и палубы были под завязку набиты тремя тысячами лучших солдат шведской короны. Вся эта махина казалась неуязвимой, но Крюйс знал то, чего не знали они. Он знал, *какое* оружие скрыто за закрытыми пушечными портами его кораблей.

— Их слишком много, герр адмирал, — сухо, без эмоций констатировал стоящий рядом Томас Гордон.

Крюйс медленно опустил трубу и смерил капитана флагмана таким ледяным, презрительным взглядом, что Гордон невольно поежился, словно от порыва северного ветра. Нет, шотландец не был трусом, его храбрость была проверена в десятках стычек. Но, в отличие от фанатичной одержимости Крюйса, Гордон сохранял холодный, рациональный рассудок моряка.

— Ветер наш, Томми, — голос Крюйса рокотал, как жернова. — Мы просто прошьем их строй насквозь. Оставим кровавую просеку. А потом ляжем на другой галс, вернемся и прошьем еще раз.

Он шагнул ближе к Гордону, тыча пальцем в палубу, под которой затаились батареи.

— Ты забываешь главное. Мы поставили новые русские дробовые пушки. Каронады, или как их русские называет дробы. Ты же сам видел на полигоне, что они делают на короткой дистанции. Они превращают любой дубовый борт в щепу, а людей — в рубленное мясо для русских котлет. Кстати, ты пробовал русские котлеты? Нет? Советую. В Риге их стали весьма недурно жарить.

Гордон стиснул челюсти и промолчал. Он продолжал твердо держать передовой корабль на курсе, ведущем прямо в сердце растянувшегося шведского ордера. Разум кричал ему, что преимущество в огневой мощи и тоннаже всецело на стороне противника. Глаза видели непреодолимую стену из сорока вражеских бортов.

К тому же, Гордон отчаянно хотел напомнить этому самопровозглашенному флибустьеру, что де-юре Псковское перемирие всё ещё в силе. Но он знал, что ответит Крюйс. Он уже слышал это: «У каперов нет перемирий, Томми. А мы — пираты, пусть и на жалованье и на разрешении у русского царя».

Пираты... Да не совсем таковые, получается. Томас Гордон бросил взгляд на верхушку мачты. Там, туго натянутый попутным ветром, бился незнакомый Европе флаг. Не привычный коммерческий бело-сине-красный триколор. На белом полотнище крест-накрест лежал синий Андреевский крест. Зловещий, хищный символ новой, еще не понятной шведам угрозы. Но это же крест, христианский символ. Когда это пираты такой использовали?

А эскадра под этим крестом летела в атаку с пугающей резвостью. Поймав свежий ветер, корабли выдавали невероятные десять узлов. Вода кипела под киллями.

Глава 2

Балтийское море.

21 мая 1685 года.

Русский корабль... Да чего уж там, если так оно и есть... Шел в бой. В шведском строю фрегатов, галер, как военных, так и с грузами, началась суета. Забегали сигнальщики, взвились флаги. Они поняли, что эта горстка безумцев не собирается отворачивать.

Горстка? Нет. По суммарному залпу бортовых орудий только лишь на треть уступавшая шведам. По выпелам? Да, тут была пропасть. И если начнется абордажный бой, то каперам несдобровать. Если...

На русских фрегатах царила мертвая, жуткая тишина, прерываемая лишь скрипом таке-лажа. За бортами уже были изготовлены те самые каронады — короткие, толстые, уродливые чугунные монстры, прибывшие с уральских заводов меньше месяца назад.

Крюйс излучал такую звериную, первобытную уверенность, что любой матрос, бросив взгляд на стальное лицо адмирала, мгновенно забывал о страхе. И не только страх отступал — его место занимала выучка. Жестокая, почти бесчеловечная выучка.

Последние два месяца этот голландец гонял экипажи по методике, детально расписанной тем самым загадочным русским сановником — Егором Ивановичем Стрельчиным. На продуваемом всеми ветрами острове Эзель пираты-канониры не пили ром в тавернах. Они потели кровью. Там были выстроены гигантские деревянные качели, имитирующие жесточайшую морскую качку. И день за днем, до кровавых мозолей и тошноты, расчеты учились заряжать и палить по мишеням, взлетая в воздух и падая вниз.

Крюйс выбил из них всю дурь. Жесточайшая физическая подготовка, первоклассно сытое мясо в котлах и абсолютный, тотальный сухой закон для всех, кроме старших офицеров.

И сейчас эти бывшие наемники, сорвиголовы и авантюристы, выстроившиеся у орудий, понимали: они больше не сброд. Они — единый, смертоносный механизм. Машина для убийства, идеально смазанная и готовая к своему первому настоящему экзамену.

— Бах-Бах!

Шведский фрегат охранения не выдержал нервного напряжения. Вдоль его борта расцвели густые, белые облака порохового дыма.

Четырнадцать ядер со свистом разорвали воздух над водой. Дистанция была еще слишком велика, и большинство чугунных шаров с шипением взметнули высокие фонтаны в кабельтоне от русской эскадры.

Но несколько ядер нашли цель.

Удар! Флагман вздрогнул. Страшный треск рвущегося дерева донесся с носовой части — одно из ядер проломило борт над ватерлинией.

Гордон напрягся, ожидая криков паники. Но их не последовало. Для вышколенной команды это было не более чем комариным укусом. Высокая волна изредка заливала пробоину, что была сильно выше ватерлинии, но не могла нанести критического урона.

Как муравьи, из люков мгновенно выскочила аварийная команда борьбы за живучесть. Стукнули топоры, завизжали пилы. Заведенный пластырь из парусины и досок лег на рваную рану корабля за считанные минуты.

Крюйс даже не обернулся на звук удара. Он лишь крепче вцепился в поручни, обнажив в хищной усмешке зубы. Дистанция стремительно сокращалась. Время каронад подходило.

— Они поспешили! — Корнелиус Крюйс хищно оскалился, обнажив желтые от табака зубы. В его голосе звенело мрачное, торжествующее удовлетворение.

Он был прав. Сдай у шведского капитана нервы на две-три минуты позже, позволь он русским подойти ближе — и бортовой залп лег бы кучно. Возможно, снес бы мачту, возможно, искалечил бы руль. Это не остановило бы флагман каперов, но крови бы попило.

Но шведы не выдержали. Они выплюнули свой металл в молоко. И теперь, под крики боцманов, судорожно драили стволы, пытаясь успеть перезарядиться до того, как этот безумный корабль под Андреевским флагом промчится мимо.

Шведы не успевали.

Томас Гордон, чье штурманское чутье было поистине дьявольским, в отличии от выдержки, вел флагман прямо в узкую горловину между двумя вражескими фрегатами. С ювелирной, пугающей точностью он вогнал корабль ровно посередине. До левого шведского борта оставалось не больше сотни шагов. До правого — чуть больше. Дистанция пистолетного выстрела. Расстрел в упор.

— Стрелки! Не спать!!! — взревел Крюйс, перекрывая шум волн и скрип такелажа.

На марсовых площадках и вдоль бортов началось шевеление. Русские штуцерники. Элита, приданная пиратской эскадре на усиление. Большинство из них, сухопутных крыс, сейчас отчаянно боролись с приступами морской болезни. Лица солдат переливались всеми оттенками нездоровья — от бледного до болезненно сине-зеленого. Но стоило прозвучать приказу, как тошнота отступила перед вдолбленной сперва в Преображенском, потом на полях сражений, ну и на Эзеле, выучкой.

Вскинулись тяжелые нарезные стволы.

Сразу тридцать винтовок рявкнули в унисон.

Этот первый, снайперский залп мгновенно остудил боевой порыв на правом шведском корабле — том самом, что хитро выжидал момента для удара в упор. Довыжидался. В зияющие квадраты открытых пушечных портов, откуда уже зловеще торчали чугунные рыла шведских орудий, влетел свинцовый рой русских конусных пуль.

Завизжали раненые канониры. Кто-то из штуцерников бил прицельно, снимая шведских офицеров в расшитых золотом мундирах, неосторожно выстроившихся у фальшбортов в ожидании зрелища. Офицеры начали падать, словно подкошенные невидимой косой.

— Залп!!! — скомандовал офицер стрелков.

Второй слитный треск разорвал воздух. Пули продолжали методично выкашивать палубу неприятеля.

А на левом шведском фрегате, том самом, что разрядился впустую, назревала катастрофа. Крюйс не мог видеть деталей, но развязка была предрешена судьбой.

Там, в пороховом дыму, тринадцатилетний перепуганный юнга-«пороховая обезьяна», таская заряды к пушкам, споткнулся. От страха и суеты он рассыпал мелкий затравочный порох, оставив за собой тонкую черную дорожку от самой крюйт-камеры до палубных орудий.

И одна из русских штуцерных пуль, высекая искру о железную оковку лафета, воспламенила эту дорожку.

Огненная змея метнулась по палубе с ужасающей скоростью. Шведские канониры, заметив неладное, с дикими криками бросились топтать огонь сапогами, но было поздно. Пламя скользнуло вниз по ступеням, прямо в открытый зев крюйт-камеры.

— Ложись!!! — нечеловеческим голосом заорал Томас Гордон, падая на палубу.

— Бах! Бабах!

Оглушительный, сотрясающий внутренности взрыв разорвал море и небо. Фрегат, трюмы которого были под завязку набиты порохом не только для собственных нужд, но и для доставки осажденному гарнизону Нарвы, перестал существовать. Он просто взлетел на воздух ослепительным столбом огня и щепок.

На флагмане Крюйса кто-то послушался Гордона и бросился ничком. Но не русский адмирал. Корнелиус стоял в полный рост, вцепившись в поручни, и на его лице цвела дикая, восторженная улыбка сумасшедшего, опьяненного видом крови и разрушения.

Огненный шторм накрыл море. Горящие обломки, ошметки тел и целые пушечные стволы разлетались во все стороны. На излете они глухо колотили по дубовой обшивке русского флагмана, но больше всего досталось шведским галерам, имевшим несчастье прижаться слишком близко к взорвавшемуся фрегату. На них сыпался смертоносный горящий град.

— Всем по местам!!! — басовитый рев Крюйса мгновенно привел команду в чувство.

Никакой паники. Железная дисциплина взяла верх. Команда стряхнула с себя оцепенение, и корабль вновь ожил.

А флагман уже проносился носом мимо кормы правого, так и не успевшего выстрелить шведского фрегата, на котором штуцерники устроили бойню, быстро перенаправив свои стволы.

— Бей!!! — заорал Крюйс, рубанув рукой воздух.

С обоих бортов русского корабля разом ударили каронады.

Короткие, толстые жерла изрыгнули не сплошные ядра, а десятки килограммов крупной картечи. Да, часть этого свинцового дождя ушла в молоко, вспахав воду фонтанчиками. Но той трети, что с визгом влетела точно в цель, хватило с избытком.

Стена свинца просто стерла всё живое на шведской палубе. Она прошила деревянные надстройки, разорвала в клочья паруса и такелаж, превратила людей в кровавое месиво. На вражеском фрегате в одну секунду не осталось никого, кто мог бы стоять на ногах, не говоря уже о том, чтобы отдавать приказы. Мертвый корабль без управления начал дрейфовать.

А русский флагман, оставляя за собой смерть, мчался дальше. Канониры, черные от копоти, тяжело дыша, уже губками банили стволы и закатывали новые заряды. Впереди было еще много целей.

Следом в пробитую брешь, словно волки в овчарню, врывались остальные русские фрегаты. Они сходу разряжали свои пушки в добываемые, парализованные шведские суда, били навесом по низким галерам. Один из русских шлюпов на полном ходу, с треском ломая весла, врезался борт в борт в шведскую галеру.

Шведы, оправившись от шока, радостно взвыли, предвкушая спасительный абсордаж — в ближнем бою топорами и тесаками они не знали себе равных. Так они думали. Ну или взять числом, ибо рядом много галер, полных солдат.

Но на шведов не прыгнули люди с саблями. На них обрушился свинцовый шквал.

Русские стрелки, занявшие позиции на вантах и бортах сразу двух подошедших фрегатов, открыли беглый огонь. Плотность огня из нарезных штуцеров была такой, словно в толпу шведов ударила еще одна каронада. Конусные пули, не давая осечек, врывались в тела врагов, не оставляя шансов на рукопашную. Абсордаж захлебнулся в крови, даже не начавшись. Шлюп продолжил движение.

Русская эскадра прошила шведский ордер насквозь, словно раскаленная игла — кусок гнилого сукна, и вырвалась на чистую воду.

Позади остался настоящий филиал ада. Два шведских фрегата, еще недавно гордо распускавшие паруса, превратились в плавающие гробы. На их измочаленных картечью и пулями палубах не было видно ни одного стоящего на ногах человека. Сваленные мачты, переплетения рухнувшего такелажа и зияющие рваные дыры в бортах делали их похожими на обглоданные скелеты.

Тот самый фрегат, чья крьюйт-камера взлетела на воздух, уже пошел на дно, увлекая за собой в бурлящую воронку одну из неудачно прижавшихся к нему галер — вода там кипела от тонущих, барахтающихся людей. Еще на одном паруснике яростно бушевал пожар, столбы

черного дыма поднимались к небу, хотя шведская команда, сбиваясь с ног, отчаянно пыталась с ним справиться.

А русские корабли, почти не сбавив хода, выходили из боя, перестраиваясь на ходу.

Шведы, еще до конца не осознав масштаб произошедшей катастрофы и того факта, что их только что искрошила в капусту горстка наглецов, по инерции начали было формировать погоню. Забили барабаны, уцелевшие фрегаты стали ложиться на новый галс.

Но кем преследовать?

По количеству полноценных парусных вымпелов силы внезапно сравнялись. Паритет. И шведы, с ужасом понимая, что эти «пираты» применили нечто совершенно невообразимое — невиданную плотность огня и пушки, разрывающие борта с одного залпа, — не рискнули.

Два Корнелиуса... Шведский и русский... Но один решился, другой — нет. Вице-адмирал Корнелиус Анкарштерна смотрел за удаляющимися русскими кораблями, видел, что некоторые из них еще недавно были шведскими.

— Дай Бог нам сил, ибо в ближайшее время они нам пригодятся, — пробормотал шведский вице-адмирал себе под нос.

Тут же Корнелиус Анкарштерна отдал приказ. На мачте флагмана шведского вице-адмирала взвился сигнальный флаг: строгий приказ отступить и не преследовать противника. Вице-адмирал был опытным волком. Он раскусил замысел: пираты явно хотят вытянуть уцелевшие шведские фрегаты в открытый бой, увести их подальше от каравана. А транспортные галеры, набитые солдатами, — это неповоротливые мишени. Если парусное охранение уйдет или будет уничтожено, весь гигантский караван достанется русским на растерзание. Они просто заберут всё призом.

И в том, что под Андреевскими крестами идут именно русские, у шведского командования не осталось ни грамма сомнений. Никакие корсары в мире не обладали такой убийственной дисциплиной и такими технологиями. Русские может кораблей и не строили, хотя приходили тревожные сведения, что а Архангельске начато очень бурное строительство флота. Но что не отнять, а русские пушки хороши. Это успел уже ощутить армейцы.

Однако Крюйс не собирался уходить далеко. Он повел себя не как пират, а как пастух, загоняющий стадо.

В течение дня русская эскадра легла в дрейф, зализала мелкие раны, перевязала своих немногочисленных раненых, а к вечеру, поймав ветер, совершила резкий маневр. Как стая волков в сумерках, фрегаты Крюйса настигли потрепанный караван и филигранным ударом отсекли от основного строя самых отстающих — четыре тяжелых шведские галеры и один пузатый торговый парусник.

Они взяли их бескровно, наглым маневром, перерезав пусть, взяв в клещи. И снова шведский вице-адмирал, скрежеща зубами от бессилия, не посчитал нужным разворачивать армаду для спасения отстающих. Он выбрал сохранить то, что у него вообще осталось.

Корнелиус Крюйс возвращался не на пустынную базу на Эзеле. Он вел эскадру напрямик в Ригу.

Скоро голландец стоял на мостике не просто с чувством выполненного долга — его распирала абсолютная, пьянящая гордость. Теперь он был твердо уверен: после такой грандиозной виктории сам царь Пётр Алексеевич просто обязан будет пожаловать ему официальный чин русского Адмирала! Фортуна целовала его взасос. Он был непреклонен, жесток и расчетлив. Он сделал то, на что не отважился бы ни один из самых прославленных каперов, бороздящих нынче морские просторы. Он унизил непобедимый шведский флот.

Ветер надувал паруса, толкая израненные, но победившие корабли к родным берегам. Первые настоящие морские призы этой кампании — под завязку груженные вражеские суда — были захвачены и теперь послушно шли на буксире в русскую Ригу.

И...

...И когда на горизонте показались шпили рижских соборов, а в порт начали медленно, величественно втягиваться русские фрегаты, ведущие за собой шведские корабли со спущенными флагами, город замер. Весть о небывалом триумфе опередила эскадру лишь на несколько часов.

На причалах яблоку негде было упасть от ликующей толпы, среди которой, расталкивая локтями, уже суетились приказчики тех самых русских купцов. Тех самых, что еще вчера боялись высунуть нос в море, а теперь жадными глазами оценивали богатство, которое Крюйс принес им прямо на блюде.

А генерал-лейтенант, получивший только две недели как тому новый чин, Никита Данилович Глебов, вновь брался за голову, не понимая что ему делать со всем этим. Но благо, что у него уже был надежный исполнитель, тот самый писарь, что нагло пообещал, но... сделал.

Стамбул.

25 мая 1685 года.

Багровое, распухшее солнце медленно погружалось в свинцовые воды Босфора. Его косые лучи пробивались сквозь стрельчатые окна дворца Топкапы, ложась на мраморные плиты Зала Тайного Совета густыми, почти осязаемыми полосами цвета свежей крови.

В огромном помещении царила гнетущая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием факелов да шелестом ветра в кипарисах за окном. Воздух был тяжелым: удушливо-сладкий аромат жженой амбры и сандала не мог до конца перебить едва уловимый, металлический запах страха. И еще чего-то, что въелось в сами стены три дня назад.

Султан Мехмед IV, Тень Аллаха на земле, застыл у огромного стола из полированного эбенового дерева. На столе покоилась подробная карта Восточной Европы, придавленная по углам тяжелыми золотыми курильницами. Но взгляд повелителя — темный, немигающий взгляд приготовившегося к броску сокола — не блуждал по границам. Он был прикован к северу. К бескрайним зеленым пятнам лесов и болот, где раскинулась холодная, непокорная Московия.

Длинные, унизанные перстнями пальцы Мехмеда безостановочно перекатывали крупный, холодающий кожу изумруд в тяжелой золотой оправе.

Недавно этот перстень украшал руку Великого визиря Кара-Мустафы. Теперь изумруд был у султана. А заспиртованная голова Мустафы, удачно обвиненного в предательстве и подкупе русскими только недавно покинула пределы дворца.

Новый Великий визирь, седобородый Сулейман, стоял в пяти шагах от стола. Он замер в глубоком поклоне, боясь пошевелиться, боясь даже дышать слишком громко. Глаза старика были намертво прикованы к полу — он изо всех сил старался не смотреть на то место, где ворс бесценного персидского ковра был подозрительно темным и жестким.

— Они думают, что смерть моего визиря обезглавила империю, отставка другого, лишила ее сердца, — голос султана нарушил тишину. Он был тихим, ровным, но от этого леденящего шепота пламя свечей, казалось, испуганно пригнулось к фитилям.

Мехмед медленно повернулся к Сулейману. Тяжелый шелк его кафтана, расшитого золотыми тюльпанами, издал сухой, змеиный шорох.

— Эти северные варвары, пропахшие дегтем и медвежьим салом, решили, что могут сеять смуту в моем Серале и остаться безнаказанными. Что они могут купить моих людей.

Султан небрежно, одним щелчком пальцев, швырнул изумрудный перстень на карту. Тяжелый камень покатился по нарисованным степям, перескочил через синюю ленту Днепра и со стуком замер прямо на крошечных куполах Москвы.

— Что пишет гетман? — резко, словно ударив кнутом, спросил Мехмед.

Сулейман вздрогнул. По его лбу, скрытому тюрбаном, покатилась капля холодного пота. Он сглотнул вязкую слюну, не смея поднять глаз на повелителя.

— О, Луноликий Повелитель правоверных... — голос визиря предательски дрогнул. — Гонец от запорожских казаков прибыл на рассвете. Гетман клянется в вечной верности твоему престолу. Он называет тебя своим отцом и защитником...

— Оставь сладкую ложь для гарема, Сулейман! — рявкнул султан. Эхо его голоса ударилось о высокие своды зала. — Суть! Почему они до сих пор не ударили в спину Романовым?! Где зарево пожаров на южных рубежах гяуров?!

Визирь пал на колени, коснувшись лбом холодного мрамора.

— Гетман пишет... что осенняя распутица превратила Дикое поле в непролазную топь. Пушки вязнут по оси. Он жалуется, что порох, присланный нами, отсырел от туманов. Что казацкие старшины ропщут и требуют больше червонного золота на жалованье, прежде чем поднять бунчуки и двинуться в поход...

— Но уже май! Солнце все прогрело! А Русский мальчишка объявляет себя императором. Что это значит? Войны не избежать, русские нам задолжали. Пусть казаки или начинают, или убей Юрия Хмельницкого!

Повисла мертвая тишина. Сулейман зажмурился, ожидая, что сейчас стража войдет в зал и для него.

Но Мехмед рассмеялся. Это был низкий, клокочущий в горле смех, похожий на скрежет вытаскиваемого из ножен ятагана. Султан отвернулся от визиря и медленно, по-звериному плавно зашагал вдоль длинного стола.

— Медлительные, трусливые торгаши! — гремел Мехмед, уходя к окнам, остановившись и не поворачиваясь продолжил: — Они думают, что хитрее всех. Они хотят пересидеть бурю в своей Сечи, выжидая, кто даст больше — я или русские цари. Хотят служить двум господам! Глупцы. Буря не торгуется. Буря сносит всё до основания.

— Если степные шакалы боятся идти первыми, значит, на север пойдет лев, — произнес Мехмед. В его голосе больше не было ярости — только приговор.

Падишах, султан Османской империи повернулся.

— Сулейман! — не оборачиваясь, бросил Мехмед.

— Повелевай, о Тень Аллаха на земле! Твое слово — закон для Вселенной.

— Поднимай армию. Рассылай гонцов в каждую провинцию. Прикажи агам янычар трубить сбор в Эдирне. Пусть то передовое войско, что в Аккермане, выдвигается к Очакову. Будем возвращать свое!

Мехмед оперся обеими руками о край стола, нависая над пробитой картой.

— А запорожцам... — губы султана искривились в жестокой усмешке. — Отправь гетману не золото. Отправь ему в ларец черный шелковый шнур. Передай мои слова: если через две луны они не превратят русские пограничные крепости в пепел, я лично сровню их Сечь с землей. Я пушу Днепр вспять, но утоплю их в их же болотах по пути на Москву.

Султан выпрямился во весь свой немалый рост. В тусклом свете угасающего дня он казался демоном разрушения.

— Хватит... мы начинаем войну. И пошли австрийцам приглашение на нее, — сказал Мехмед.

От автора:

Он выжил после нападения безумного мага и забрал его силу. Три клана пытаются его переманить, а тайное Братство — убить. Но он не сдаётся и осваивает магию в современной Москве.

<https://author.today/reader/574465>

Глава 3

Москва

22 мая 1685 года.

Ничего удивительного в том, что просвещенная Европа в упор не желала признавать нас Империей, не было. Сколько бы встреч с иноземными посланниками я ни проводил, сколько бы ни распинались другие бояре — все было впустую. Даже на официальных приемах у государя, кланяясь и рассыпаясь в любезностях, эти напудренные индюки именовали его как угодно, но ни один ни разу не выдал из себя титул «Император».

Пётр Алексеевич от такого дипломатического упрямства впадал в черную, глухую ярость. Бушевал так, что щепки летели. Даже через третьих лиц передал мне негласный приказ: некоторое время на глаза ему не попадаться, дабы не попасть под горячую руку. Знает ведь, отлично знает, с чьей легкой подачи эта история с «Империей» вообще пустила корни при дворе.

Никто там, на Западе, не желал признавать за Россией право не то что стать европейским гегемоном, но даже просто встать вровень с их державами. Пусть региональной, но сверхдержавой. И плевать они хотели на то, что мир клином на Европе не сошелся, что есть еще Азия и другие народы, которых эти снобы в расчет не брали.

А наши территориальные приобретения? Отвоєванные кровью и потом земли? В европейских столицах это высокомерно считали «временным недоразумением». Мол, пока не подписан мирный трактат, пока одна из сторон окончательно не рухнет на колени, говорить о завоеваниях рано.

Ну, пусть себе так считают. Я усмехнулся своим мыслям. Ригу я теперь не отдам никому. Да и Глебов, вцепившийся в нее мертвой хваткой, вряд ли собирается уводить оттуда полки.

Тяжелые мысли о политике растворились в густом, пропитанном запахами оружейного масла и древесной стружки воздухе мастерской.

Я стоял, опершись обеими руками о массивный дубовый стол, и внимательно смотрел на собравшихся. Мой брат Степан и лучшие мастера Оружейной палаты сейчас до хрипоты, отчаянно жестикулируя, обсуждали поставленное мной техническое задание. Чертежи были разложены прямо поверх стружки. Антураж солиден.

Мне требовался многозарядный пистолет. Оружие прорыва. Что-то вроде револьвера, но учитывая, что унитарного патрона у нас пока не предвиделось, задача вырисовывалась дьявольски сложной.

— Нынче, с теми новыми станками, что братец твой, Степан Иванович, здесь поставил, — Афанасий Вяткин вытер перепачканные сажей руки о кожаный фартук и тяжело оперся о столешницу, — сладить ружье... а на его основе так и пистоль, что был некогда сотворен мастером Никитой Давыдовым — дело нехитрое. Дорого выйдет, ох дорого, боярин. Но повторить — повторим.

На другом конце стола, на почетном месте, сидел старик. Патриарх оружейного дела, непревзойденный мастер Григорий Вяткин. Он ничего не сказал, лишь медленно, веско кивнул своей седой головой, подтверждая слова Афанасия.

— Значит, за основу взять то, что Давыдов даровал царю Алексею Михайловичу, можно и нужно, — попыток я и, не оборачиваясь, махнул рукой. — Алексашка, подай.

Меньшиков шагнул из полумрака к столу. В руках он бережно, как великую святыню, нес длинный сверток. Скинул сукно, и на стол легло оно. Шестизарядное ружье револьверного типа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.